

Игорь Прососов

В ТЕНЯХ
ИМПЕРИИ

РОМАН

Москва
«Снежный Ком»
2020

УДК 82-31
ББК 84(Рос-Рус)6
П82

Серия «Бастион» основана в 2019 году
Ведущий редактор *Дмитрий Володихин*

П82 **Прососов, Игорь**
В тених империи : роман / Игорь Прососов. — М. :
«Снежный Ком М», 2020. — 224 с. — (Бастион).

ISBN 978-5-6043755-1-8

XXII век. Вторая Российская империя. Страна, возникшая благодаря тому, что можно счесть лишь вмешательством свыше. Настоящим чудом. Держава, где люди счастливы, а шпаги на парадной форме и традиционная мораль соседствуют с высокими технологиями и освоением космоса. Почти Утопия. Но что скрывают тени за блистающим фасадом?

Это предстоит узнать русскому офицеру Еремину. Если, конечно, он сумеет выжить и сохранить человечность на непростой службе. Ему предстоит попробовать на вкус игры разведок, выстрелы в спину и любовь без надежды. Даже в богоданной Утопии люди остаются людьми, и не бывает света без теней.

УДК 82-31
ББК 84(Рос-Рус)6

ISBN 978-5-6043755-1-8

© Калашников В., 2020
© «Снежный Ком М»
(ИП Штепин Д.В.), 2020
© Оформление. Голуб Ю., 2020

Пролог

1. Письма с границы между светом и тенью

Я сижу в тесной рубке боевого модуля в недрах затерянного в Пустоте камня. Холодно. Дыхание изморозью ложится на металл панелей. Позади — гонка наперегонки со временем по полным мин-сюрпризов и ловушек коридорам лабиринта. Еще — жизнь. Короткая, глупая, прямо сказать.

Впереди — скука. Пять часов до сближения. Еще — нарастающая усталость; не в мышцах, а в самом моем существе. Интересно, скоро ли начнутся галлюцинации? Ах да, забываюсь. Уже начались. Не судите строго! Доводилось ли вам держать небо на плечах? Атлант на полставки; несмешная шутка — у любого голова закружится.

Итак, в настоящем притаилось безумие, выглядывает из-за угла; а в будущем, весьма даже вероятно, ожидает смерть. Понятия не имею, какое именно обличье она примет. Если повезет — вспышка орудий чужого корабля, которую я даже не успею заметить. Если не очень — смерть личности, распад разума... Я не специалист и понятия не имею, что мне грозит; пожалуй, я благодарен за это Господу нашему почти так же, как за знакомство с вами.

Есть еще и самый худший исход. На этот случай рядом — игольник, старый приятель. Не беспокойтесь. Я не нажму на спуск, пока не буду полностью уверен: задача выполнена, свободен.

Самоубийство — грех? Спасибо, мне уже говорили. Может ли считаться самоубийством не дать тем, от

кого живым никто не уходил; а в их лапах ждет нечто худшее, чем смерть, прошу прощения за пошлый штамп? Это мы обсудим с Судией в последний из дней. Надеюсь, Он поймёт и простит.

Да и знаю я многовато. При правильной обработке ломается любой. Кроме святых, разве что, но я к такому не отношусь.

Чем заняться, когда от жизни осталось, скорее всего, чуть, а главное чувство, не считая усталости, скука?

Лично я наговариваю это письмо. Отправлю его вам шифрованным каналом за полчаса до времени.

Возможно, поступок глупый и инфантильный, из тех, что творят скорее по пьянке, нежели в трезвом уме... Что поделаешь? Не привычен безвременно погибать; вряд ли в этом деле вообще есть специалисты, одни любители. Так что если вам скучно — просто отключите воспроизведение. Только не удаляйте, ради Бога. Разве что если выживу.

Нам с вами как-то не доводилось вволю пообщаться. Читанные разы, урывками... Возможно есть смысл рассказать — кто я таков, чем дышал и во что верил. Не то, чтобы я был особо интересным типом, но повидать кое-что довелось. «Я видел такое, во что вы, люди, просто не поверите. Штурмовые корабли в огне на подступах к Ориону», или как там было в классике? Их я не видел, но, право слово, похоже, только их.

Ага, шучу. Значит — намереваюсь выжить. Мне вообще неплохо удастся убежать и выживать.

Возьми мою жизнь — увидишь один и тот же паттерн: вот я убегаю, потом мне бьют по лицу, вдруг возношусь на вершину счастья, потом я в тоске, печали и запое, поднимаюсь, дальше — повторить снова и снова.

А ведь был такой приличный мальчик. Из порядочной семьи обычных честных подданных Российской Империи. Домик в пригороде, по выходным — поездки на море, достойное детство: гимназия, Академия...

Честно, жаль, что вам не довелось меня увидеть тогда. Я был глуп и в меру симпатичен. Не глупее нынешнего;

но по крайней мере счастлив той идиллией, что царила вокруг.

Тогда еще я, юнец, вознамерившийся стать космолетчиком, не ведал: чтобы большинство наслаждалось светом и сладостью, как любит выражаться наш общий знакомец, те, кто их дарят, обязаны рыскать в тенях; и сами обращаться в тени.

Вам довелось повстречать меня посреди моей трансформации. Интересно, понравился ли я вам так, как вы мне? Не могу доверять памяти.

Хотел бы, но не могу.

Пожалуй, все началось той лютой зимой...

2. Выдержка из труда профессора Бернхарда Гнаиде, д-ра политологии, магистра социологии, Берлинский университет, «Критика Утопии: Империя, которой нет»

Все чаще и чаще наши любопытные взоры обращаются к восточному соседу. В тревоге — и, к моему личному беспокойству — с завистью.

Это крайне опасная тенденция, если вспомнить, что мы говорим о стране, добровольно отвергшей все достижения цивилизации и погрузившейся в лишенную света демократии дикость, более того — целенаправленно прикрывающую свою сущность показным варварством, игрой в век Tsar'ей и Hussar.

С голоэкранных и из рассказов туристов нам представляется счастливая утопия; наши бизнесмены ведут дела с их «купцами» и весьма довольны деловой сметкой таковых; звездолетчики наблюдают их корабли на орбите — прекрасные корабли, оснащенные новейшей техникой.

Но что мы на самом деле знаем о русском медведе?

Очень немногое.

Пресловутая Вторая Империя возникла на руинах Российской Федерации в конце двадцать первого

столетия самым парадоксальным образом. Добившись поддержки самых широких общественных кругов, включая военные, демократическое по сути движение потребовало проведения честных выборов, настояло на своем, и, придя к власти, в мгновение ока превратилось в монархическое.

Превращение бывших свободолобцев в тиранов известно истории, но путем прямого и честного всенародного голосования? Нонсенс; однако факт.

Далёк от религиозных предрассудков, оставляю анализ того, что называют «Вторым Константиновым чудом», компетентным специалистам по агрессивному маркетингу, хотя смею заметить: исходя из открытых данных, мы до сих пор не обладаем технологией, способной вызвать схожий эффект.

Остальное — грубый набор фактов. Референдум, известный как Земской Собор. Избрание Первого Государя, оставившего т. н. «Принципы», ставшие своеобразной Конституцией Империи. Быстрый экономический и технологический рост. Ранняя кончина первого императора.

Что можно сказать о русских сейчас? Технически продвинутые; и в то же время — демонстрирующие процент верующих в десятки раз выше естественной для развитых стран нормы: около 89% населения, притом атеистов не более половины процента; оставшиеся — агностики и деисты.

Декларирующие мир и дружелюбие, однако абсолютно не воспринимающие демократические ценности, дорогие сердцу любого разумного существа. Добровольно (добровольно ли?) зашорившие себе глаза так называемой «традиционной моралью»; очевидный результат длительной промывки мозгов населения.

Управляемые меритократическим правительством т. н. «бояр», а именно — лучших специалистов области, избранных коллегами и правителем по максимально объективным критериям; однако имеющие монарха, чья

власть практически не ограничена. (Добавлю — сама идея боярства дискриминационна по отношению к среднему труду не высоких способностей, не имеющему шанса попасть во власть!).

Обладающие множеством социальных лифтов, однако поощряющие привилегиями свою боярскую аристократию и практикующие — также путем аккуратного стимулирования — евгенику; поскольку то, что они называют политикой поощрения создания боярских родов, иначе разумным человеком восприниматься не может.

Их психология считает признаками цельной личности грубое прямое изложение личных мыслей и импульсивное поведение; а вовсе не аккуратное следование политической корректности и общественной философии в делах и оценках, как наша.

Сотканые из противоречий; имеющие абсолютно чуждые жизненные ориентиры. Могу ли я сказать, что понимаю их; что они счастливы; не спрятана ли за благостными словами самая страшная тирания в истории; где лицо, а где маска?

Нет; не знаю; не смею строить предположения; не имею понятия.

И уж точно только сами русские знают, какие тени скрываются за сверкающим на свету блистательным фасадом.

Знаю одно — если традиции старушки Европы что-то значат для нас, мы обязаны быть готовы защищать их силой оружия. Что будем делать мы, грызущиеся между собой и готовые разорвать Евросоюз на части, когда постучат с востока? Как будем реагировать на добрых, улыбающихся жителей Утопии? Потому что если мы откроем дверь — не заметим, как сами обратимся в них, растеряв все свое.

Сколько из нас уже стали ими — слушая музыку, смотря голофильмы, общаясь в Сети?..

Далее в этом труде я покажу принципиальную невозможность существования имперского общества...

* * *

Автор был освистан ученым сообществом на презентации книги — за ненаучность и тенденциозность.

В то же время работа была благостно встречена определенными структурами и использована при подготовке предложения «О необходимости подготовки стратегии превентивного удара», озвученного на заседании Европрательства 23.02.21.. года.

Предложение было ветировано двумя голосами.

В тот раз.

Часть I

Casus belli

Поистине страсть к завоеваниям —
дело естественное и обычное;
и тех, кто учитывает свои возможности,
все одобряют или же никто не осудит.

Николо Маккиавелли, «Государь»

1. «Возьмите копьё»

Отель «Люксембург» не был тем заведением, куда вы поведете дочь-гимназистку выпить кофею с крем-брюле. Право слово, вы и сами предпочли бы туда не соваться — даже в случае крайней нужды.

В конце концов, в Столице полно кафе и странно-приимных домов, где бедненько, но чистенько. Сказать нечто подобное о «Люксембурге» — погрешить против истины.

Были у богоспасаемого клоповника и преимущества, признаем честно: здесь не задавали вопросов и не отвечали на них. Кроме того, самогонный аппарат в подвале исправно снабжал постояльцев дешевым пойлом. Живого персонала тут почти не держали, зато служебные лифты круглосуточно доставляли в номера отраву с той помойки, которую местный владелец добросовестно принимал за кухню.

Полиция не прикрыла это место только по той причине, что лучше один известный свинарник с сетью

осведомителей и ассортиментом жучков (которые регулярно крали), чем сотня неизвестных.

Короче, местечко было в самый раз для меня. Обойди Столицу — лучше не найдешь. Я пробовал.

В общем, сижу я в стандартном «пенале» три на полтора, пьянствую и всячески ровняю с землей моральный облик. Настроение хуже некуда, то ли спеть хочется, то ли на службу в церковь сходить, то ли морду кому набить. Желательно — себе.

Ночка за окном — не дай боже. Темно, пурга заметает, ветер воет... Подозреваю, что воет, — не слышно ничего, звукоизоляция.

Есть, знаете ли, такие ночи... Всякое в них творится: кто петельку мылит, кто на перекрестке семи дорог гостей странных встречает, а кто за стаканом бормотухи сидит, чуть не плача.

За что пьем?

Хороним.

Кого?

Меня. Жизнь несбывшуюся, близкую, как тот локоть, что не укусишь...

Память накачивает, застревает в глазу осколком зеркала тролля. Не вернуться назад, а вернешься — не исправишь. Некого винить. Разве что себя.

...В фехтовальном зале пахло кровью, потом и сталью. Вроде и не пахнет металл, а запах лезет в ноздри, отвлекает, мешает.

Комиссия в большинстве своем дремлет. Скучно. Переэкзаменовка. Нет бы юному кретину с первого раза тренировочного болвана сделать? Чай не бином Ньютона. Вот сейчас будущий офицер помножит железку на нуль — чистойшей формальностью, — можно будет поставить подписи под представлением на патент и, наконец, уползти на квартиры, чтобы досыпать уже в горизонтальном положении. А пока сиди да сопи, брат.

Разве что вице-адмирал фон Руэ, командующий Высшим Военно-Космическим, не спит. Улыбается сквозь

седую бородку, кивает ободряюще. Вице-адмирал в недоумении: у курсанта отличные оценки по пустотной навигации и штурманскому делу, великолепные по тактике и стратегии — явный кандидат на лейтенантский чин, но почему-то срезался на мелочи, фехтовании.

Не иначе перезанимался. Ничего, сейчас отдохнул, справится, а звездочки мы ему зубами выгрызем, мичманом не уйдет.

Еще не спит маэстро Зимин, грузный толстяк с бесчисленными подбородками, он тоже кивает, но иначе. Ему известно не хуже моего, что случайности тут ни при чем. Разве что если курсант Еремин таки сдаст — вот это будет случайность.

Плевать. Назло всем, жизни, судьбе, собственной неуклюжести сжимаю пальцы на моментально налившейся свинцовой тяжестью рукояти шпаги. У нас не ценят спортивные зубочистки — только «исторические», тяжелые шпаги, почти что мечи, затупленные из соображений гуманизма.

Дурацкая традиция. Кто выдумал, что в век космолетов и боевых лазеров офицер обязан владеть клинком, чтобы подняться на мостик? Да на большей части судов дрын даже в кабину не влезет!

«Благороднейший из умственных видов спорта, превыше шахмат, ибо первейшие в оном добродетели — сообразительность и скорость принятия решения, а цена ошибки — боль». Кто сказал? Не знаю, Зимин цитировать обожает. Поймать бы... И Зимины, и автора цитаты.

Бой начинается. Расслабляюсь. Передо мной болван. Бот. Разве я не могу с ним справиться? Хотя бы чтобы стереть сочувственную улыбочку с лица маэстро?

Терция и кварта, звон и яркие высверки стали. Отбить удар. Клинок ведет по инерции налево, а в грудь уже летит яркой рыбкой шпага бота.

Больно. Падаю.

Запах антисептика. Сажу на скамейке, отпыхиваюсь. Ждал, что Зимин подойдет. Ошибся. Смылся куда-то.

Может, к лучшему. Маэстро-не маэстро, а придушил бы, как Бог свят.

Зимин не подошел. Зато фон Руэ пожаловал. Сутулый, сухонький, он переминался с ноги на ногу, будто стыдился, словно не я только что опозорился — он.

— Молодой человек, — покхекал тихо. — Сергей Афанасьевич? Это еще не конец. У вас есть еще одна переэкзаменовка. Только... Послушайте старика. Возьмите копые. Возьмете?

Я посмотрел на него — немолодого. Усталого. Забавно: труба мне. А кажется — ему.

Копьем легко работать. Копье никто не упомянет в бумагах. Помнить будут, но что память людская? Зола. Подует ветер — и нет ее.

Экзамен сдам с третьей попытки — значит, о лейтенантских звездочках придется забыть. На какое-то время. Выпущусь мичманом, вместе с раздолбаями и хулиганами. Дослужусь, что там. На какой-нибудь заштатной базе. Скажем, посадят на Чукотку, модифицированных страусов гонять. Пока сам с тоски страусом не стану.

Что делать?

Пойду на принцип, возьму шпагу, проиграю, естественно, — и прощай, патент. Предложат, конечно, остаться унтером. С возможностью снова попробовать себя на экзаменах через пару лет. Не соглашусь, уж очень больно выйдет.

Отец вздохнет, почернев лицом: учеба далась дорогой ценой. Чай, не боярский сын, привилегий нет, все зубами и когтями — с репетиторами, с зубрежкой и выкладкой до седьмого пота.

Мать обрадуется, хоть и попытается скрыть: сын не будет рисковать собой в холодной пустоте.

Работа? Найдется. Неквалифицированная. Даже на купеческую ладью без выслуги в ВКС не наймешься. А делать что иное не обучен. Кто сказал: «пока молод — времени полно»? Ушло время, растратил. Пока чему научусь — вот и жизнь кончится.

Понятно, помолвке с Энн конец. Дочь купца первой гильдии за голь перекатную не пойдет, а голь и не возьмет. У голи честь есть, девушку за собой на дно тащить не будет.

Значит, выбора нет — копье. Единственный разумный выход, такая уж эта игра.

Вот только я не разумный человек. Игр с детства терпеть не мог.

Через полчаса я уже сдал заявление в администрацию. Не буду просить милостыни. И биться головой о стену не буду. Счастливо оставаться.

...Так я считал тогда. Был доволен собственными принципами. Потом зазвонил телефон.

Энн, Анюта моя, сказала:

— Ты же понимаешь, что это значит?

— Конечно, — ответил самодовольный болван, который был я.

— Идиот, — заключила Анна Святославовна. — Прощай. Мне жаль, — и повесила трубку.

— Мне тоже, — ответил.

Отчего-то казалось очень важным ответить, пусть даже меня и не услышат.

Дальше был кабак. Какие-то девки с голыми ляжками. С кем-то подрался. Убежал от городских, если те мне не чудились. Снова выпил — на сей раз в странной компании, по виду чистых колодников: беспутных, безумных.

И вот, оказался в «Люксембурге». Голова раскалывалась, а душа трещала по швам, казалось: вот-вот, и разорвется в лоскутки, снегом понесется по ветру в ночной пурге.

...Тихо застонала, открываясь, дверь. Тяжелые шаги отдались в хребте.

Стыдно признаться, мне было глубоко и откровенно наплевать, кто заявился по мою душу — грабители, полицейские, или местный сервис сомнительного свойства оказался неожиданно навязчив. В любом случае, добрый человек едва ли бы молча зашел в чужой запертый номер.

Как я уже заметил, в тот момент мне хотелось то ли подраться, то ли помолиться, то ли спеть. И вот, решение

трилеммы преподносят на блюдечке. Может ли человек истинно благородный отринуть чужие усилия, оттолкнуть их?

Нет и нет!

Рука сама ухватила тяжелую бутылку за горлышко. Метать на звук я умел недурно — так что сначала через плечо полетел стеклянный снаряд, а потом уж я спрыгнул со стула, разворачиваясь к гостю.

Помянутый гость, редкостный толстяк, вовсе не собирался предпринимать противоракетных маневров. Разумно с его стороны — в такой-то тесноте.

Тем не менее на мгновение показалось, что силуэт его расплылся. Бутылка пролетела будто бы сквозь него и благополучно разбилась о косяк.

Вспору было оплакать утрату меткости.

Я не стал этого делать.

В маэстро Зимина, фехтмейстера Вышки, часто бросали предметы — иногда по десятку за раз. Тщетно.

Сам он утверждал, что лучшей разминки для фехтовальщика нет, вызывая тем лютую зависть и самые нелепые слухи.

Люди со стороны вообще зачастую не верили, что этот неуклюжий, вечно спотыкающийся господин превращается в чокнутого хорька, стоит ему взять полуторник в левую руку и кинжал в правую.

Шепотом поговаривали, для некоторых бретеров эта ошибка стала последней.

— Василий Евгеньевич, — кивнул я. — Выпить хотите? Впрочем, теперь нечего. Могу заказать.

Вместо ответа Зимин кинул на койку какую-то бумагу. Я с легким удивлением узнал собственное заявление об уходе.

— И?.. — спросил я. — Кстати, стучаться надо. Нас, штафирок, вообще уважать требуется.

— Хрр, — Маэстро издал звук, которого постеснялась бы и беременная носорожиха. — Брось глупости, Еремин. Завтра — пересдача.

— Правда? — хмыкнул я. — На фиг пляски. Сами-то вы верите, что есть хоть шанс?

— Не зарывайся, — посоветовал Зимин. — И с копьем — не обольщайся. Вице-адмирал — идеалист.

— Чего же вы от меня хотите?

Маэстро вздохнул и тяжело бухнулся на край койки. Пожаловался нарочито:

— Я немолод. Мне было совершенно неинтересно тебя выслеживать. Зачем коммуникатор выключил?

— Переходите к делу. А то безвременно погибну, пытаясь вас вышвырнуть.

— Дурак, но с характером, — резюмировал Зимин. — Экзамен сдать хочешь?

— У вас есть способ научить меня фехтовать за ночь? — усмехнулся я.

— Нет, — неожиданно серьезно ответил фехтмейстер. — У тебя прекрасная реакция. Достаточно силы и скорости. Голова тоже недурная. Но все вместе... полный швах.

— Тогда что вы мне предлагаете? — Я искренне не понимал, о чем речь.

Не взятку же он хочет? Такое только в исторических романах бывает... или за бугром. Ну, не только, но уж точно не в главном учебном заведении космофлота.

— У меня нет такого способа. Мои, выразимся так, товарищи дело иное.

Блеснула золотом эмблема на карточке — имперский орел сжимает в когтях звездную систему. Дальняя Разведка. Ведомство боярина Кронина, человека непростого. Сам службу возглавляет, сам в Думе ее представляет — где такое видано?

Известное дело: ежели боярина до думного повышают, сдавай дела, а Кронин...

Я нахмурился, а Зимин продолжил:

— Конечно, будет цена. Технология новая, риск немалый. Служить будешь под присмотром. В обмен — гарантии: обер-лейтенантский чин сразу по выпуске;

назначение на наш корабль. В случае последствий... полный пенсион вне зависимости от выслуги.

— Не тяжеловаты ли вы для Мефистофеля? Хватит искушать. Что именно вы предлагаете?

— Наложение чужого поведенческого профиля. Донор — один из лучших офицеров Империи. Воздействие слабое, на уровне подсознания. Ты не станешь кем-то другим, не беспокойся. Просто будешь чувствовать, как он поступил бы на твоём месте. «Шептун», так это называют.

Я молчал. Протиснулся к окну. Посмотрел на снежинки. И впрямь, недобрые гости приходят к таким, как я, в полночный час. Душу просят. И даже расписаться кровью не придется. Так заберут. Уже забрали.

Спросить, каким по счету буду? Так мне и ответит. Честно-честно. Отчего курсанту-расстриге предложение делают в паршивом отеле? Тем более ясно: эксперименты на людях запрещены. Боярская Дума узнает — взвоят. Да и Дальняя Разведка от ретивых сотрудников открестится. И не проговорюсь, потому душа и пропала — сам ведаю, нужны державе солдаты. Лучшие.

Не спят соседи, зарятся коршунами. Числом не отстоим, умение нужно. Будет умение — и войнам не бывать. Побоятся лезть.

Если из меня за ночь фехтовальщика сделают, то сколько асов сотворить из обычных пилотов можно? А спецназовцев из обычной контрактной шушеры?

Куда ни кинь — всюду клин выходит. Соглашусь — вроде как поощрю. Гнусно. Не соглашусь — кому-то еще собой рисковать. Подло выйдет.

Мягко стелет Василий свет Евгеньевич. Ох, мягко! Обещает много, и к долгу взывает, и на толстые обстоятельства намекнуть сумел.

Да Анята все перед глазами стоит.

— Куда едем? — спрашиваю.

Прости, Господи, если можешь. Говорят, кто ради Тебя свою душу погубит — тот спасется. Не оставь!

— Оборудование в фургоне внизу. Там и подписку заполнишь, — кивает Зимин. — Смертник ты, брат. Уважаю.

Боюсь, чувство было не взаимным.

...На следующее утро я зачем-то схватил кроме шпаги еще и дагу. В жизни двумя клинками не махал. Но надо — и все тут.

Позвенеть со мной клинками на пробу маэстро отказался наотрез, как и впустить в зал пораньше. Так и вышел против болвана без тренировки.

Понял сразу — не сдюжу. Улыбнулся сам себе: вот номер выйдет... с гарантиями, и вообще.

Схватка продлилась меньше пяти секунд. Принял шпагу на дагу, провалился, бездарно открывая голову, вниз и вправо, почти на шпагат...

Правая рука — молодчина — сама рубанула болвана под коленки, а левая, неестественно вытянувшись, сунула острие даги под пластиковый подбородок.

Комиссия аплодировала. Только фон Руэ отчего-то хмурился. После боя он коротко бросил:

— Так на шпагах не дерутся. Это удар для меча или сабли. Скорее для двух сабель. Понятия не имею, как вам удалось удержать равновесие на ударе... Далеко пойдете. Впрочем, вы и сами знаете.

Отчего-то стало холодно. Но чувство быстро прошло.

...Анне понравились обер-лейтенантские погоны, как и орлы Дальней Разведки в петлицах. Мне понравилось воссоединение — и будет о том.

2. «На погибель бесам зловердным»

Если вы полагаете, что на этом полоса отменных глупостей в моей жизни завершилась, вы плохо знаете либо меня, либо жизнь. Эта дама обожает подставить ножку в самый неподходящий момент.

Судите сами: вот я, в свеженьком, с иголки, мундире, выгружаюсь из капсулы аэротакси на задворках военного космодрома на окраине Мирного.

В глазах — умеренная готовность умереть за Веру, Царя и Отечество, в развороте плеч — лихой кретинизм, в кармане комм, а на нем — письмо с назначением на «Заступницу».

Класс судна не уточнялся. Фрегат или корвет, наверное.

Постоял в метели, прижимая норовившую отправиться в свободный полет фуражку к башке. Заметил фигуру у входа в безликий терминал. Поспешил туда и не ошибся.

Мой новый командир, капитан второго ранга Васильев, оказался смешливым бородатым малым с замашками провинциального шулера. Встречу нового подчиненного он взял на себя, объяснив данный казус традицией.

Сославшись на нее же, подхватил под локоть и утащил на второй этаж, в кафетерий, проводить душещипательную беседу под чай с плюшками.

— Какой я тебе, милый мой, Агафон Геннадьевич? — махнул он рукой. — Дядя Вася, Дядя Вася. Все меня так зовут. Традиция. Динамично развивающийся коллектив. Ровесники с тобой, опять же?

Я ошалело уставился на капитана. Меньше всего он напоминал свежего выпускника. Изжеванное декомпресией лицо, легкая седина в волосах... Нет, не салага.

— Младенцы мы! — со вкусом сообщил он, заметив мой взгляд. — И пятидесяти нет. Вся жизнь впереди. То к бутылке, то к сиське тянемся. Скажешь, нет? Грудны-е! — со вкусом заключил он. — Давай-ка к делу. Навигатор? Так на красавицу нашу взгляни. Вот, под окошком скучает. На час, двести метров.

Перейти к делу я был не прочь. Вгляделся, разобрал сквозь метель очертания... Захотелось почесать в затылке.

Удержался.

Проверочка, видать.

— Славная, — говорю, — лайба. Небось этакое колесо и до Пояса дотянет?

— Отчего бы, — отвечает отец-командир, — не дотянуть? Пожалуй, и до Плутона долетит, как мыслишь?

— Почему бы, — отмечаю, — купеческой ладье не долететь до Плутона, ежели на то будет желание благородных донов?

И тут будто чертик какой под сердце вилами кольнул. Чувствую, не так что-то. Лайба... Тьфу, ладья — как ладья, сто лет в обед, а кое-что не так. Во-первых, что ей делать на военном космодроме? Не меня же разыгрывать поставили?

Во-вторых, очертания. Углы наклона обшивки не те. Тут, под дюзами, и рядом с огневыми постами... Может, конечно, на живую душу латали, абы как, но вряд ли... А ведь интересно выходит!

Кольнул чертик сердце еще разок для верности, да к уху перебрался, левому. Шепчет, а я повторяю:

— Отчего бы, — заключаю, — и подалее не дотянуть, коли пятерка сверхсветовая стоит, субсветовые — эмки прошлогодние, а рухлядь снаружи для виду вывешена. Толково, правда, да просчитались. Контуры охлаждения выдают. Экипаж, небось, раза в три штатного поболе?

Чайку хлебнул, правильного, с чабрецом, и со значением на Агафона Геннадьевича смотрю. Тот хохочет.

Амба, выходит, отлетался. Наплел сорок бочек арестантов, и все мимо. А кап-два досмеялся и говорит:

— Штатный экипажик-то, десятеро, — и улыбается. — Иначе подозрительней холодильников выйдет. Ладно, давай лапу, дорогой, поручкаемся. Я уж испугался, не байстрюка ли ко мне сослали. Где это видано — свежак в дело пускать? А ты вон оно как! Лучше сканеров таможенных смотришь.

Я в окошко гляжу: нет, не видать ничего больше. В смысле: метель вижу, и поле, и корабль, а неправильностей — не вижу. Откуда взял?

Известно откуда. Нерадостно стало, ох, нерадостно.

— Агаф... Дядь Вась, а скажи: зачем такая маскировка? всю жизнь думал, что Дальняя новые планеты изучает. Еще — понятно, силовые операции на нас, флотская разведка. Диверсии, экстракции, все такое...

Хмыкнул «Дядя Вася» в бороду. Крикнул тетке за стойкой:

— Клабочка, душа моя, по сто граммук сообрази, будь ласка! — и мне говорит: — Наивный ты, Сережа, все-таки, уж прости.

Киваю, наивней не бывает, мол. А он продолжает:

— По Уставу оно так, а в жизни все сложнее получается. Бесы, Имперская Безопасность которые, ленивые они, как черти, и ручки марасть боятся. Что поделаешь, дорогой мой, интеллигенция! А мы в ДыРе ребята простые, сапоги. Вот и приходится за всех отдуваться. Прикрыть бы их, дармоедов...

Тут и рюмочки подоспели. Вовремя. На погибель бесам зловредным хлопнули, селедкой закусили. Еще чайку попили, потом Дядя Вася графинчик заказал. Сам я больше на закуску налегал, да что говорилось, на ус мотал.

В общем, часа два просидели. Стемнело давно. Дядя Вася ступеньки в темноте не различил, спланировать попытался — ну да я не сплоховал, подхватил.

— Хорошо! — вдохнул морозный воздух кап-два. — Ты, кстати, по гражданской спецухе кто?

— По гражданской? — удивился я.

— На купцах дармоедов не держат. Каждый и в космосе, и на торгу дело имеет. Нешто не сказали? Ладно, ребята в полете поднатаскают. На Марс пойдем, в Святосилуанск.

Отошли от выхода. Оглянулся — темно, ни огонька. И как ступеньку заметил? Птицей вниз слетел, будто не раз тут хаживал, да еще поддатым.

3. «Тра-ля-ля, крындец всему, и жизни, и любви»

Что будут бить — понял сразу. Кого — тоже осознал. Не обрадовался, скажу прямо. А что поделаешь? Жизнь моя жестянка, отчего так странноприимные дома любишь? Сначала «Люксембург», теперь тут...

Называется, спустился в бар кофейку перед работой попить. Вон, рожи какие за доброй половиной столиков. Все в планшеты уткнулись, но чем-то задним чувствую — не умеют этиакие хари читать. Разве что Зимину под руку попались в свое время, что маловероятно.

И поглядывают — нехорошо-нехорошо... А с улицы уже вон, двое подпирают. Точно брать будут.

Вздыхнул, глянул через витрину наружу — на башни белые и купола золотые. Листья на деревьях сочной зеленью налились.

Красиво тут, на Марсе. А уж в Святосилуанске — втройне. Вон, в зените бирюза с малиной в догонялки играют, не смешиваясь. Климатические установки рядом: вот и весь секрет.

Говорят, местная Дума уже лет десять корпит над планом по спасению небесной иллюминации. А то закончится терраформирование — и все, конец.

Впрочем, лет это будет этак через сто, не меньше, так что меня больше заботила сохранность собственной шкуры. Неба на наш век хватит.

Хмыкнул, к стойке пошел. Минутка — а все наша.

...Перелет вышел приятным. Отпуск прямо — даже учитывая, что кап-два действительно натравил на меня «ребят» в лице хмурого штаб-ротмистра Аверченко — шкафообразного командира «группы физических взаимодействий» — то бишь двоих не менее широких спецназовцев, наших «прикладных гуманистов», как выразался отец-командир.

Надо сказать, крах всех попыток вбить мне в череп хоть немного торговой науки сложно назвать

провалом наставника: нельзя обучить кирпич плавать, вот и все.

Так Аверченко и заявил, махнув рукой. А потом напомнил, что навигатору «в поле» дела все равно нет, а Святосилуанск — крупнейший торг в Солнечной. Достаточно отправить меня на летное поле считать прилетающие корабли, велел на все вопросы отвечать что думаю. Глядишь, местные прохиндеи за умного, строящего из себя кретина, примут.

Кап-два рацпредложение одобрил. Обидно, но справедливо.

Шептун не помог — если таинственный донор и знал что-то о коммерции, мне, похоже, требовались собственные навыки, которыми «поведенческий профиль», чем бы эта гадость ни была, мог воспользоваться.

Что еще? За время полета я неплохо сошелся с моим товарищем по вахтам, обер-лейтенантом Шакировым. Сей татарин, щеголяя изяществом прущего по целине трактора, обладал некоторой изощренностью мышления, простым натурам недоступной.

Кроме того, он был уроженцем Святосилуанска, так что я сумел приблизительно представить себе место назначения.

Империя, как известно, умудрилась в свое время выменять Марс на доли в венерианском проекте и Поясе астероидов. Это история древняя и не слишком любопытная.

Пикантность ситуации заключалась в том, что заклятые друзья с большим удовольствием позволили это сделать, чтобы потом крутить пальцами у виска с чувством глубокого морального удовлетворения, присущего малолетнему хулигану, нагадившему соседу под дверь.

Государю на это, понятно, было плевать с высокой колокольни, и правильно.

Через двадцать лет, когда первые сто тысяч квадратов адски холодной пустыни превратились в адски холодную пустыню, где без скафандра можно было прожить дольше трех минут, начался вой.

Поминали обязанности перед Человечеством, общее благо и — неизвестно отчего — права животных и негров.

Известный факт: когда вспоминают общее благо, держись за карточку, будут хакать.

Не то чтобы друзей и партнеров сильно волновало жизненное пространство — нет, проблема заключалась в том, что возник идеальный перевалочный порт для торговых и транспортных кораблей, следующих в Пояс астероидов и на внешние планеты.

И этот порт оказался в руках шайки отможенных сибиряков, казаков и крещеных татар, в свое время решившихся на переселение.

Мог ли свободный мир это допустить?

Свободный мир желал международный Марс.

Русь вообще и Боярская Дума в частности в гробу видала свободный мир.

Свежеиспеченные марсиане искренне не понимали, чего от них хотят, и мечтали о дне, когда от них отцепятся.

Кое-кто начал потихоньку бряцать оружием, когда вмешался Государь и разрубил гордиев узел — такая уж у них, государей, работа, узлы рубить, что другие завязали.

Настучал по клювам ястребам, показал шиш западникам — и даровал Марсианской губернии широкую автономию под патронажем Короны.

Свободный мир был вынужден отступить, но злобу затаил. А планету — планету все так же осваивали русские. Живущие в мире и верные своей земле. Что еще нужно?

Впрочем, богатая история колонии соответствующим образом сказалась и на местных нравах. Вроде дом, Империя, но с душком: постоянная толчея купцов, шпионов и вольных стрелков давала знать о себе. Святосилуанск стал великим перекрестком.

Время улетало незаметно — в занятиях, безобидном трепе и, собственно, служебных обязанностях, пока что сводившихся к тупому наблюдению за работой автопилота.

Я был почти что счастлив. Особенно потому, что за все время на корабле шептун ни разу не давал о себе знать.

...И вот иду я к стойке. «Поляну держу», как Аверченко выражаться любит. Хорошо, продержали перед назначением три месяца на спецкурсах, подучили. Вроде бы и незачем было, наше дело маленькое — на консоли стучать.

Ан нет.

Пригодилось. Третий день на планете; Дядя Вася с Аверченко и прикрытием сразу после посадки умчались, нам велел изображать бурную купеческую деятельность, и вот — пригодилось.

Что у нас на поляне, господин обер-лейтенант? Докладываю: за столиками трое вооруженных; на улице двое топчутся, выход держат; еще пятеро гражданских внутри, из них две дамы и один ребенок. Еще — половой за стойкой.

Может, конечно, не гражданские, а я срисовать не сумел, и оружие есть, но разумнее считать некомбатантами. Особенно ребенка, господин обер-лейтенант.

Вот и прилавок.

— Утро доброе! Кофейку, милейший. — Губы шевелятся, а сам инструкции в башке перебираю.

Вроде бы все однозначно: берут — лапки поднимай и жди, наши обменяют. Это в игрушках-боевиках все самое интересное в такой момент начинается, а в жизни — операция уже провалилась, теперь бы лишнего геморроя коллегам не добавить, например, начав пальбу в общественном месте.

Это в теории.

На практике же берут меня в русском городе, столице имперской губернии, пусть и с широкой автономией. Чуть не на глазах у городских и местных бесов. И это меня, рыбешку мелкую. Что же это делается, православные?

А деется вот что: а) всех, кто покрупней, уже взяли либо сейчас так же обложили; б) если в Святосилуанск пришлось втихаря гнать нашу лайбу — местные коллеги вызывают сомнения у начальства, а дело достаточно серьезное; в) предстоит мне экстренное потрошение, а потом со святыми упокой.

Это если срочно не начну двигаться.

Утешил себя мыслью, что уставы писались для деятельности на территории иностранных государств, а я сейчас дома, где шалить можно и нужно. И начал. Двигаться, значит.

Спокойно так, не торопясь, поплелся к туалетам. Внутрь зайду, а как выйду — сверну в служебное помещение. Там посмотрим: выходов много — и в отель, и на улицу.

Сгодится для начала.

Некая трусливая сволочь в голове, до боли напоминавшая того, кого я привык считать собой, завопила, что у меня паранойя, а если вдруг нет — схлопочу пулю.

На какое-то мгновение я замешкался. Увы, этого хватило, чтобы план полетел ко всем чертям.

По порядку: во-первых, у меня в ухе заорала гарнитура коммуникатора. Такой, знаете, знакомой-знакомой мелодией. Увы, мне не звонила прекрасная блондинка. Условленный сигнал означал, что кто-то из наших крупно влип. И с чего бы это я догадывался, как именно? Не могу взять в толк.

Во-вторых, я покосился на очень, видите ли, удачно подвешенное под потолком зеркало. Была у меня смутная надежда, что новые друзья не озаботились связью или не отследили, что одна из жертв успела поднять шум.

Если бы!

В-третьих, в этом самом зеркале я увидел, как питекантропы вскакивают из-за столиков. С вполне понятными намерениями.

Конечно, у меня было оружие — небольшой гражданский револьвер, какой нередко носят купеческие

приказчики. Было и целых шесть патронов в барабане. По одному на рожу — хватит, и даже останется.

Одна беда, так-растак — мне и одной пули довольно. Опять же, штатские вокруг.

В общем, отстреливаться не вариант, а к сортиру пробиваться далековато.

Зато за спиной у полового-бариста вкусная такая, сочная дверка, не иначе на кухню. А где кухня, там и лифты служебные, и выходы к банкетным залам, и на улицу...

Ну, «козла» я перемахивал всегда легко, а гравитация на Марсе левая, так что перед стойкой не растерялся.

Полетели на пол чашки. Округлились у полового глаза.

Громыкнуло над головой, посыпалась штукатурка. Из пушки, что ли, палят? Их мама не учила глушителем пользоваться? Да нет, с глушаком, понятно, просто зал маленький. Это в фильмах глушитель навинтил — и тишина...

Либо если вместо банального глушителя используют правильное оружие со спецпатроном. Которое есть у любой спецслужбы. Например, у нас на борту добра этого полно.

Ох, как интересно! Значит, за мной вообще какие-то непонятные граждане, чуть не бандиты, несутся? Им-то что нужно?

Эту мысль додумывал уже на кухне, неуклюже упав в сторону от двери, в которой тут же появилось несколько лишних отверстий.

Кухня не радовала взгляд. Нет, кухонный мультипроцессор был хорош, сразу видно, и холодильник не хуже, и с поварихой — этакой юной валькирией-практиканткой — с ней бы я охотно пообщался, не будь я помолвлен и не виси за мной хвост из пяти уродов с пушками... Кухня разочаровывала эстетически. В данных обстоятельствах я бы предпочел помещение, в котором имелось больше одного выхода, не считая того, через который я ввалился.

— Куда? — невнятно спросил я, стоя на четвереньках.

Валькирия, оказавшаяся на диво сообразительной, пискнула, кажется, из-под холодильника:

— Коридор, развилка, налево — улица, вперед — конференц-зал, справа — главный холл.

— Там и сиди, — невнятно одобрил я, цапнув со стола мясницкий нож.

Револьвер — хорошо, но мало.

Как я и ожидал, в коридоре меня встретили двое. Ну что ж, у меня осталось четыре патрона и ни одного ножа.

Честно говоря, палил и резал я с перепугу, потом испугался еще сильнее. Стояли себе, в ус не дули, потом в драку полезли... Полно ли, я, часом, охоту на добрых подданных не открыл? Не отверчусь потом. Ну, отверчусь, наверное, но бумажек заполнить придется тонну.

Впрочем, вряд ли торчать в служебных коридорах отелей входит в число самых популярных хобби на Марсе. Особенно, когда слышны выстрелы.

Раненым бегемотом понесся дальше, на перекрестке налево свернув.

Улица, машина, космопорт. На корабле остались двое, Витька из моторного и Шакиров, вместе мы банда, вместе мы все решим.

— Стой, дурак, — раздался уверенный голос позади.

Было у меня четыре патрона, остался один. Психанул, расстрелялся... Кто не психанет? Вообще-то кто угодно, но вы меня поймите: коридор-то пуст. И динамиком тут нет, и не в гарнитуре голос — из уха на бегу вылетела.

С ума схожу, что ли? С другой стороны — и то верно. Не бегут за мной, значит, ждут снаружи. А в отеле — не факт. Особенно, если повыше забраться.

Если, конечно, они не догадались сразу камеры наблюдения под контроль взять. Догадались? Пятьдесят на пятьдесят, работают тяп-ляп... Рискнуть стоит.

Значит — в конференц-зал, а оттуда на лестницы.

Пролетел вихрем, как на шестой этаж взбежал — и сам не помню. Остановился. Теперь аккуратно маску из синткожи снять, кнопочкой щелкнуть... Прости-прощай,

приказчик купеческий Афанасий Никитич, век помнить буду, если проживу. Только горстка пыли и осталась.

Его ищут, а вот меня, олуха, не факт.

Но шмотки на мне его, со всеми следами победоносного прыжка через стойку, пробежки по кухне и далее, так что к ближайшему выходу лезть не с руки. Кровища опять же. В комнату за одеждой влезть? К себе или в чужую? Надо думать.

Пока отдышаться можно и комм проверить. Так, тревожки от всех, включая оставшихся на ладье. Вбил код — ну-ка, кто жив, отзовись.

Отозваться удосужился только блистательный кап-два, пребывавший где-то на окраине города.

Значит, к ладье, отбить, в воздух поднять — и к кэпу. Где он, там и Аверченко со своими лбами.

— Идиот, — констатировал знакомый голос позади.

На сей раз стрелять я постеснялся. Повернулся. Перед мной стоял крепкий тип лет тридцати. Короткая борода пиратского вида, волосы длинноваты... Терпеть не могу этаких смазливых.

— Чего, — говорю, — изволите, сударь?

— Жить, — отвечает, — желаю.

И в воздух воспарил. Повисел так. Опустился.

— Надоел ты мне, — сообщает, — хуже горькой редьки. Да только повязаны мы. Улавливаешь нить?

— Шептун...

— Для тебе каплей Давыдов. Как ты собрался «Заступницу» отбивать, скажи на милость? Пристрелят — и вся недолга.

— Тебе какая печаль? Ты вообще подсознание.

— Если ждешь рассказа, как я тебя ценю и жалею, — не по адресу. Видишь ли, товарищ дней моих суровых, за рефлексию отвечает другая часть твоего не слишком могучего интеллекта. Боюсь, расположенная даже не в голове.

— Возвращаясь к теме, — говорю, — что хочешь? — и хихикаю, как идиот.

Доигрался, с глюками общаюсь. Грехи наши тяжкие...

— Проблема в том, что часть я именно твоего подсознания. Знал бы — предпочел остаться собой, ну да кто меня спрашивает. Итак, обонять, осязать и всячески ощущать этот прекрасный мир без тебя не смогу. А я к этому привык, знаешь ли. Так что сугубо против того, чтобы ты нас клал на амбразуру. У меня опыт, у тебя тело, идет?

— Погоди, — до меня начало доходить, — то есть когда мы с Энн... Ах ты, сволочь!

— Далась мне твоя Энн.

— Отчего так пренебрежительно? — тут же обиделся я.

— Дрянь она, парень, поверь мне. Не ты ей нужен, по-же-ни-е... тьфу. Ладно, не о ней речь. Выкрутиться мы с тобой хотим?

— Хотим, — отозвался я.

— Это хорошо, это прогресс. Учти, что я с тобой говорю и вообще себя помню — паршивый знак. Но дает пару преимуществ. Слушай внимательно, пока можешь. Ты уверен, что нас хотят завалить?

Я только ухмыльнулся.

— А теперь включи голову. Знаю, ты в нее обычно ешь, но ей иногда можно думать. Очень освежает, попробуй, не пожалеешь. Тебя могли подстрелить раза четыре. В коридоре вообще драться начали. Со стороны отеля оцепления нет — значит, гнали на улицу и выгнали бы, если не я. Как вариант, еще и проверяли.

— На черта?

— А на черта красавцу в самом расцвете сил давать себя размножить, что твою пиратскую песню, с непонятным результатом? Польза державы, тра-ля-ля, крындец всему, и жизни, и любви, враг у ворот. Дальше пересказывать? Ты вроде с самого начала понял.

— Предположим.

— То-то же. На досуге уточни, кстати, как там мой оригинал. Если погиб — обидно. Такого молодца губить!.. Так вот, сам знаешь, технология эта не только нашим

нужна. Многим вообще не нужна. Как бойцов легко воспитывать станет: из одного человека и сотни приматов — сто человекообразных выходит, красота!

— Потрясен. И что это значит?

— Значит, что к космопорту соваться не будем. И к Васильеву тоже. А вот пара людишек у меня тут была...

4. «Остап Ибрагим Цухенвальд цур Вангезунд»

Из отеля я выбрался не слишком изящно, но эффективно: на четвертом этаже повис на руках, спрыгнул на тротуар и был таков.

Честно — сначала думал, поломаюсь. Нет, даже ногу не подвернул. Потом ждал комитет по встрече на другой стороне улицы. Не дождался. И переоделся успешно: шептун-Давыдов подсказал в раздевалку бассейна заглянуть.

Давыдов держался рядом. Толку никакого — больше моего не увидит, а все равно... словно спину прикрывают. Опасное чувство. Но приятное.

Был, конечно, вопрос, верить ему или нет. Галлюцинация, безумие, демон, осколок чужого разума, застрявший в моей голове, — любой из вариантов казался одинаково неприятным.

В который раз за последние месяцы не оставалось ничего, кроме как плыть по течению. И даже вариант выйти из игры я потерял, согласившись на предложение Зимина.

Впрочем...

У меня остался один патрон. Этого довольно. Револьвер внезапно показался очень привлекательным, красивым даже. Я с трудом стряхнул наваждение.

Вместе с ним пропал и шептун. А я понял, почему улица была так безлюдна. Местные стражи правопорядка наконец очухались и перекрыли ее импровизированными блокпостами, один из которых вырос прямо передо мной.

Кто-то орал, срывая голос, пытаясь уточнить у столпившегося народа, не видел ли кто-то злодея. Как ни странно, голограмма до боли напоминала Афанасия Никитича, светлая ему память. Снимок был, слава Богу, нечеткий, явно сделанный камерой наблюдения.

Что ж, это терпимо. Шансы проскочить есть. Дурно другое.

Очередь была часа на два. И наверняка такие же посты по всему району, дворами не уйти.

— Молодой человек, вы, кажется, торопитесь? — рядом со мной остановился пожилой господин с озорными искорками в глазах.

Меч в петлице бурого сюртука уведомлял о его статусе боярского сына — увы, полноценный титул мой визави так и не получил.

Бывает. Это в Первой Империи, коли родился дворянином, живи на всем готовеньком, а теперь время иное. Боярские дети имеют немало привилегий в учебе и жизни, но и выкладываться ради заветного значка в форме золотой шапки им приходится не в пример нетитулованным.

Разумная система, ничего не попишешь, но иногда оставляет на обочине вот таких симпатичных дядек.

— Есть немного, сударь, — согласился я.

— Дела любви?.. Не отвечайте! Я не выдержу ответа, что вы спешите в пошлую контору. Пойдемте-ка, потесним это хулиганье. — Боярский сын хитро улыбнулся.

— Но как?

— Элементарно, друг мой! Вы меня не знаете. Обожаю дарить людям радость. Когда меня в юности вязали городовые, ох... Они подвозили меня до дома совершенно бесплатно вместо того, чтобы тащить в участок. Я даже приноровился намеренно попадаться. Вперед, на штурм!

— Владимир Конрадович! — остолбенел седой урядник.

— О! — обрадовался мой проводник. — Кроль! Ты, подлец? А ведь еще вчера, кажется, передергивал в карты у Мадлен. А тут вырос! Оперился! Уважаю.

Пропусти-ка, по старой дружбе, будь ласка. Я ведь точно не тот тип, у меня кумплекция другая! — и толкнул урядника брюхом.

— Сей секунд, сей секунд. — Похоже, не только урядник знал самозваного Вергилия, поскольку секция ограждения мгновенно исчезла.

Я двинулся за Владимиром Конрадовичем, сам не веря своей удаче и в то же время не забывая поглядывать по сторонам. Увы, удача — очень своенравная девица, так что увидел я урядника, с нехорошей миной заглядывающего в планшет.

— Погодите! — вскинулся он. — Владимир Конрадович, с вами часом не обер-лейтенант Еремин?

Я сжался. Патронов, считай, нет. Да и последнее дело — собственную полицию валить. Заложник? Пожалуй. Вокруг этого Конрадовича так пляшут — стрелять не решатся.

Он ко мне по-человечески, но что делать? Извинюсь потом. Мужик авантюрный, посмеется, лишь бы на подвиги не потянуло в процессе.

Значит, потерявшего развернуть, револьвер достать, рвануть к ближайшей машине — и в генерал-губернаторский дворец. Там — кричать, орать, требовать связи с Дальней Разведкой. Прикрытие и так к черту полетело. А если генерал-губернатор сам замешан? Полиция-то меня ищет. А если не пустят? Не поверят?

Тем временем Владимир Конрадович, не подозревая об уготованной ему незавидной судьбе, откашлялся и заявил:

— Крольчатина, не пори чушь. Это Гришка Распутин, секретарь мой. Только с Земли.

— Давайте проверочку? Быстренько?

— Отчего нет. Но обер-прокурору Арсеньеву ты будешь объяснять, почему мы опоздали на обед.

— Но приказ...

— Дай-ка! — Он вырвал планшет у собеседника. — Гриш, глянь, и впрямь ты. И пальчики твои вроде.

Позволь-ка, ты у нас теперь мошенник? Особо опасен, но ценен, брать живьем, невзирая на потери? Знал, что прохвост, но чтоб настолько... Ладно. А ты не хотел об утере пачпорта заявлять. Сидел бы в каталажке, кабы не я. Приказ сейчас отменю, на это допуска хватит.

Он быстро ввел код на клавиатуре, а потом приложил значок к сканеру.

— Продолжайте, орлы! За Русь православную, ура! — с этим криком он ухватил меня под локоть и быстро пошел вперед.

Свернул в первую же подворотню. Отпустил. Я выдохнул. Выдавил из себя:

— Гришка Распутин? Серьезно?

— Остап Ибрагим Цухенвальд цур Вангезунд звучал бы хуже, а больше в голову ничего не пришло. Учтите, мой юный друг, у вас есть в лучшем случае сутки. В худшем — часов двенадцать. Допуск у меня неплохой, но вопросы возникнут непременно.

— У вас не будет проблем? — выдохнул я.

— У меня? И это благодарность?! Проблемы будут у них.

— Почему вы мне помогли?

— Обожаю плутовской роман. Вы что, сперли кружевной чепчик цесаревны? Это во-первых. Во-вторых, терпеть не могу, когда нервные молодые люди размахивают возле меня оружием. Это сокращает жизнь и дурно влияет на пищеварение. А в-третьих... Против меня плетется заговор, знаете ли, так что мы собратья в беде.

— Заговор? — удивился я. — Если я чем-то могу...

— Вы уже помогли. Видите ли, они все сговорились. Все! Даже секретарша — вот уж предательство, которого не видел мир! Они мечтают примерить на меня шапку, можете себе представить? А в моем зрелом возрасте сразу делают думным боярином на Земле. Тьфу! Каждый день вставать в семь утра, никаких праздников, охоты, рыбалки, клубов — нет, иди в проклятую Думу и вкалывай. Там даже нет приличного буфета! Вот и пришлось

скрыться на Марсе. Но после этого... Ха! Минимум год свободы! Удачи вам, молодой человек.

Я восхищенно кивнул в ответ. Да-с, судьба определенно свела меня с выдающимся представителем рода людского. Только садясь в такси, я сообразил, что так и не спросил ни фамилии, ни области деятельности этого титана.

Возможно, он мог помочь. Если его прочили в бояре хотя бы от юстиции... Но было поздно.

...Было поздно. Нет, закат только начинался, но время, отпущенное судьбой, утекало. Я сидел в вагоне маглева, тупо глядя на многоквартирные купола пригорода за окном.

Я побывал по четырем адресам, которые мне назвал Давыдов. Хорошая новость — такие люди действительно существовали, так что спятил я не окончательно.

Плохая новость — один умер, двое покинули планету, а четвертый пребывал в нетях.

В общем, у меня имелась большая, качественная дырка от бублика. Наши тоже не выходили на связь.

К тому же меня настиг откат от перестрелки в отеле и последующей игры в прятки с полицией. Нет, своему спасителю я верил, но по городу предпочитал передвигаться перебежками, путая следы.

Мало ли, когда на самом деле почешется неведомый благодетель? Я кому-то действительно очень нужен, вот в чем беда. Во мне дело, в миссии «Заступницы» ли — не так уж важно.

Силы попросту кончились. Я рухнул на сиденье в кольцевом поезде маглева и затих. Сознание плыло — частые обращения к шептуну, похоже, что-то сотворили с моим рассудком. Кресты на церквах превратились в андреевские, у имперских орлов на флагах отросло по третьей голове, а сами флаги окрасились в пурпур.

Веселое небо Святосилуанска ситуации не облегчало. Я чувствовал себя как пациент психушки. Вот только тому ничего не грозит.

Добраться бы до дома! Сам с радостью примерю сми-
рительную рубашку.

В конце концов, я навигатор. Это не моя работа.

Тихонько застонал — действительность вновь поплы-
ла, размазалась... Встала на место.

Все по-старому. Так же сидит напротив меня симпа-
тичная брюнетистая девушка с книгой, так же гудит ти-
хонько двигатель.

Моя соседка вдруг подняла глаза. Засмеялась тихонь-
ко. Осеклась.

— Простите, у вас такой забавный вид... Будто поте-
рявшийся щенок. Наверное, это не смешно, не так ли?

— Нет, — выдавил я улыбку. — Смейтесь на здоровье.
У вас красиво выходит.

— Просто вы такой... Спокойный, сильный — и тут
такой взгляд.

— Действительно, забавно. — Следующая улыбка
была настоящей.

— Вы точно не обиделись? Меня все ругают, что я сме-
юсь невпопад. — Девушка слегка смутилась.

— Пошлите их куда подальше. Зануды ваши все, —
с флотской прямоотой отрезал я.

— Так и сделаю. Ой, смотрите! Дождь! Закат такой
лиловый... Будто ежевичное мороженое! — Она вновь
засмеялась, и почему-то засмеялся с ней вместе некий
обер-лейтенант.

— Спасибо, — сказал я. — Мне это было нужно. Ви-
дите ли...

В кармане зазвонил коммуникатор. Я взглянул на
определитель, кивнул девушке и поспешил к выходу.

Дядя Вася все-таки был жив.

5. «Экстренное потрошение»

...В пакгаузе на окраине порта было шумно. Само
строение стояло пустым — его резервировали для себя

две купеческие ладьи, которые сейчас находились где-то в Пустоте: одна на пути к Земле, другая к Церере, насколько я понимаю.

Но порт жил круглые сутки. Сеть в ее привычном понимании пришла на Марс сравнительно недавно — и оттого сделки заключались нередко прямо на посадочном поле. Тут же узнавали новости и передавали слухи.

Гомон мешался с грохотом дождя по крыше, убаюкивал...

Капитан второго ранга Васильев опаздывал.

Наконец дверь внизу распахнулась. Я схватился за рукоять шпаги, торчащую из спортивной сумки: ничего лучше без проверки документов достать не вышло. А вот спортивный инвентарь для сражения с болванами — пожалуйста.

Револьвера с одним патроном как-то мало в нашем случае.

Хлопнула крышка люка.

— Здравствуй, дорогой мой, — сообщил знакомый голос. — Двое нас, что ли, осталось?

Я успокоился. Как оказалось — зря. Историю Дядя Вася рассказал следующую: они с Аверченко отправились на встречу с агентом, у которого была припасена некая карта памяти.

Передача состоялась к общему удовлетворению. Ничто не предвещало беды, пока на пути к машине наши не попали под перекрестный огонь с крыш. Пришлось укрыться в одном из куполов. Поднявшиеся наверх ребята Аверченко попытались расчистить путь, но схлопотали по пуле.

Впрочем, штаб-ротмистр не растерялся. Ушли техническими тоннелями канализации. Увы, не один Аверченко был догадлив — их настигли. Спецназовец остался прикрывать отход капитана.

Добравшись до порта и понаблюдав за безрадостной картиной того, как портовая полиция пытается вскрыть

загерметизированную «Заступницу», Дядя Вася выматерился и решил уничтожить карту памяти.

Но все-таки не удержался, решил узнать, за что погибли хорошие ребята. Вышло, что ни за что. Весть, переданная агентом, была, конечно, важна, но о ней уже двое суток как пронюхали журналисты — и потому ровно никакой ценности не представляла. Об этом знал агент, знали преследователи, знало командование...

Выходил, как выражались в конторе, «фуфел». Ловушка.

...На этом месте рассказ завершился, потому что хлопнула дверь вниз. Либо кто-то забрел в пустой и запертый пакгауз, что маловероятно, либо кто-то из нас притащил «хвост».

Грохот автоматной очереди, рвущей металлокомпозит пола, подтвердил вторую версию.

Дядя Вася с грохотом рухнул.

Я уставился на него в ужасе, но тот быстро показал пальцем вниз. Стоило вновь затрещать выстрелам, я немедленно последовал его примеру.

Наверняка поднимутся наверх для «контроля». А уж в люк я не промахнусь.

Правильно, вот, молодец, лезешь. Сейчас аккуратно потянуть спуск... Мимо.

Зато кап-два не оплошал — срезал гостя так, что тот рухнул прямо на головы поднимавшихся за ним товарищей.

Ожидая града пуль, врезающихся в тело, вскочил и побежал. Сейчас опять в потолок садить начнут, гады. А у меня только шпага, уже без ножен — пусть не заточенная, но тяжелая: самое то по головам бить, да и колющим если кого достать — неплохо выйдет.

Не подведи, шептун, твой выход.

В зияющую пасть люка не спрыгнул — влетел, мимо ступеней, приземлился с перекатом. Трое. Двое у лестницы, один в стороне, на потолок нацелился. Брони нет, значит...

Первого достал в кадык. От выстрела ушел, рухнув на пол, подсек второго и тут же помчался к третьему. Удар чашкой шпаги по лбу — весомый аргумент в споре.

Второй уже изготовился стрелять, но подоспевший Васильев достал того выстрелом.

— Ну ты резкий, — уважительно, как мне показалось, заявил он, отпыхиваясь. — А если бы я не подоспел?

— Вашу скорость я приметил, — улыбнулся я. — На то и рассчитывал. Не их же стволы подбирать? Мало ли, вдруг биометрия встроена? Ладно, гляньте пока наружу. Если на пятках не сидят — хорошо бы разговаривать языка.

— Даже если их тут еще нет, — сообщил кап-два несколько возмущенно, — то, милый мой, скоро будут. Что ты делать собираешься?

Это он сказал вслух. Смысл был проще: «Заткнись, салага, я тут старший офицер». Я предпочел не обратить внимания.

— Экстренное потрошение. Так есть там кто? Нет? Значит, приступим...

...Крики до сих пор стояли в ушах, а кровь запеклась на пальцах. Мы бежали, лавируя меж пакгаузов.

— Стоп, — скомандовал Васильев. — Еще несколько клоунов. Ждем, пусть мимо прошагают, голубчики.

Ему тоже не понравилось «вскрытие». Дело было не только в моей готовности применить это решение — он и сам пришел бы к нему, но потерял несколько драгоценных минут.

Дело было в том, что «клоуны» оказались итальянцами. Притом именно итальянцами, а не еэсовцами. Эта мелочь, которой и на карте не видно, решила сыграть в свою игру, не имея даже собственной разведки и армии. Отчего? Кто-то очень большой, очень влиятельный, прямо из штаба ДыРЫ слил информацию.

Приказ у наших друзей был четкий: силовиков валить, летный состав брать живым, невзирая на потери

и заодно записывая данные по боевой эффективности каждой конкретной рожи.

Знакомо, не так ли?

Палить на поражение начали, как я понимаю, больше от разгильдяйства и азарта охоты.

После того как допрос завершился, Васильев посмотрел на меня усталым взором. Сказал — как-то тихо, по-новому:

— Знаешь, у меня был такой приятель, Егор Давыдов. Ты на него похож. Не родственник?

— Нет. Большие друзья были? — спросил я с каменной миной.

— Скорее наоборот. Уж очень был... — Васильев кивнул на тело на полу, — вроде тебя. Чересчур. Не в обиду.

— Как погиб?

— Жив. Взрывная декомпрессия. Мне рыло подправило, ему аварийной переборкой ногу отрезало. Протезы с аугментациями сейчас ого-го, но в его деле таких примет иметь нельзя.

Я кивнул. Да, нельзя. А протез головы — можно?

Мы пробирались по порту к итальянскому кораблю. Небольшая шхуна, тридцать человек экипажа — и большинство ищет нас. Идеальный вариант, чтобы угнать.

Вдвоем управиться будет тяжело, но до Земли доберемся. А уж там выясним, какая тварь нас продала.

Скормить ей собственные кишки будет приятным началом нашей беседы, пусть так и знает.

6. «Обожаю дарить людям радость!»

...До шхуны мы не добрались. Зажали нас в очередном проходе. С одной стороны — полицейский спецназ, за его спинами сучок какой-то лысый в черном отирается, с другой — итальянцы.

Думал — все. Нет. Потребовали сдать. С-час. С одной стороны — стволы, с другой — шокеры. А на руках только шпага.

Еще — шептун. И благодарность Зимину. Искренняя.

Спасибо, маэстро, за уроки, пусть я и дурной ученик. В конце концов все всегда сводится к невыученным урокам, не так ли?

Шпага, мертвенный свет фонарей, испарина на лбах. А ведь тут скоро осень. Красиво небось. К лешему! Живым не возьмут. И землю русскую не предаю, и игрушкой в руках наших сволочей не стану. Третий выход есть всегда.

Молчи, шептун. Говоришь, должен выжить и мстить? Врешь, собака, жить хочешь. Я тебя раскусил. Взятый меч от меча и погибнет, а ты царь мечей. Нельзя Руси Святой тебя брать — оскотинится и душу загубит. Как я.

Значит, в драку — и насмерть.

Только решил папистов обрадовать, как еще толчеи добавилось.

Отряд войскового спецназа на крыши выбежал — ну как в дурном кино, и все по наши души.

Ударили пули по бетону. Ударил голос из мегафона:

— Прекратить цирк! Имперская Безопасность! — и показался наверху некто знакомый, в сюртуке буром, со значком золотым. — Господа иностранцы, будьте любезны сложить оружие. Инциденты будут рассмотрены как недопонимание. В противном случае все останется недопониманием, но станет трагическим, а мне эта головная боль совершенно не сдалась. Судари мои полицейские, вон! Без вас тесно!

Только выдохнуть успел — бес он или нет, а Конрадович вроде свой мужик, как крючок из-за спин полицейских вылез. Орет:

— Это операция Дальней Разведки! Права не имеете!

— Так что же, наши тоже гонялись? — шепчет Васильев.

— Жаль, ствола нет, так и тянет пристрелить, — отвечаю.